

Таллинн 3-4, 2009

Критика и литературоведение

Открытия Леонида Столовича

22 июля исполняется 80 лет доктору философских наук, профессору-эмеритусу Тартуского университета, действительному члену Независимой академии эстетики и свободных искусств (Москва), академику Академии гуманитарных наук (Санкт-Петербург), члену Кантовского общества (ФРГ), Российского Философского общества, Международной ассоциации эстетики, Американского общества эстетики, почетному профессору Южно-Китайского университета (Нанкин), члену СП Эстонии ЛЕОНИДУ НАУМОВИЧУ СТОЛОВИЧУ. В списке титулов выдающегося (и это очень скромный эпитет для заслуг Л.С.) ученого с мировым именем нет одного: академика АН Эстонии. Но это *факт биографии* не Столовича, а Академии...

Родом из шестидесятых

- Леонид Наумович, среди ваших титулов самый экзотичный, пожалуй, это китайский. Как он возник?

При забавных обстоятельствах. Как-то (дело было в начале 1980-х) мой друг Рэм Наумович Блюм звонит мне домой: «Тебе письмо пришло на кафедру. Никогда не догадаешься, откуда!» Оказалось из Китая. На приличном русском языке аспирант Пекинского университета Линь Цзияо сообщал, что тема его диссертации «Эстетическая мысль Столовича». И просил прислать те мои работы, которые он не смог найти в китайских библиотеках.

Я догадался, *что* его могло заинтересовать в моих работах. В Китае тогда зарождались примерно такие настроения, как у нас в шестидесятых...

- Ну да, такая легкая *оттепель*...

Именно. Такой же интерес к ранним (*не вполне марксистским*) рукописям Маркса. А я как раз и есть порождение этих шестидесятых... Потом мы с ним поддерживали связь; он пригласил меня в Китай, но как раз тогда произошли события на площади Тяньаньмынь, и поездка сорвалась. А потом мы все-таки с женой получили приглашение в Китай и пробыли там три недели. Я выступал там с лекциями. Кстати, не только на серьезные темы. Я даже рискнул прочесть кое-что из своей книги «Евреи шутят». И знаете: китайцы смеялись! Но и серьезные мои книги они перевели и издали...

- Вы сказали – *порождение шестидесятых*. Но ведь *золотой век* тартуских гуманитарных наук сложился раньше, в начале пятидесятых, и складывался он по принципу «Не было бы счастья, да несчастье помогло». Молодые ученые, выпускники Ленинградского университета, которые дома не могли получить работу – кто из-за пресловутого «5-го пункта» анкеты (национальность), кто по какой иной причине, уезжали в Тарту, где им удавалось – не без труда – закрепиться...

- Я могу с полным основанием сказать, что мне действительно повезло. Если бы мне после окончания университета удалось каким-то образом зацепиться за Ленинград, а моим знакомым некоторым это удавалось, они устраивались экскурсоводами, чтобы любой

ценой остаться в городе, я бы не сумел сделать то, что я сделал. А в Тарту создалась удивительная компания... Прежде всего – Юрий Михайлович Лотман, конечно...

(Леонид Наумович помолчал, вспоминая то время и ушедших друзей. Сегодня из той блестящей плеяды остались трое.)

- Знаете, когда я ехал в Тарту *на разведку* и в Тапа пересел с ленинградского поезда на тартуский, в вагоне я разговорился со студентом 4-го курса Исаковым. Так что Сергей Геннадьевич стал первым моим знакомым на новом месте... Павел Семенович Рейфман был в таком же положении, как я, между небом и землей. Его жена Лариса Ильинична Вольперт поначалу курсировала между Псковом и Тарту, так как на кафедре зарубежной литературы не было вакансий. Потом ей не давали защищать докторскую, так как сын уехал в Америку. Впрочем, в Тарту такое не было смертельным номером.

Ученый-поэт

- Ваши книги я читаю не только с интересом, но и с удовольствием. Их стиль так непохож на обычный сухой и часто неподъемный стиль большинства философских работ. Сказалось ли на вашем стиле то, что вы пишете стихи, и следовательно у вас чувство слова развито больше, чем у обычного ученого *академического* склада?

- Наверно. Тем более, что на протяжении большей части моей научной деятельности для меня главной оставалась эстетика. Я, простите за нескромность, все-таки обладаю чувством прекрасного, и поэтому, в отличие от некоторых моих коллег, глупостей не писал.

- Парадокс в том, что не все пишущие об эстетике, обладают эстетическим чувством?

- Такое вполне возможно! В принципе.

- Наш лорд показывает всем прекрасные владенья. Так евнух знает свой гарем, не зная наслажденья. (Бернс).

- Совершенно верно. Но одна из лучших эстетических систем создана Кантом, который совершенно не шел от искусства. Музыку не любил, потому что она мешала его размышлениям. С живописью знаком не был, так как не выезжал из Кенигсберга, а там полотен великих мастеров, насколько мне известно, не было. Образцы черпал только в античной литературе...

- И вместе с тем заметки Канта на обороте диссертации Крейцфельда, найденные вами в Тарту, написаны человеком с художественным, метафорическим, мышлением. Хотя бы такой пассаж: «На первой странице я увидел виноградную лозу, но вина в рукописи так и не нашел».

- Прелестная вещь, в самом деле. Но ведь это Кант!

- Тарту вряд ли выше как академический центр *того*, кантовых времен, Кенигсберга, но как вам и вашему поколению ученых-гуманитариев повезло! Какая здесь сложилась... школа, пожалуй, не совсем точное определение, ведь не все принадлежали к семиотической школе, созданной Юрием Михайловичем Лотманом... Скорее – содружество блестящих умов, если позволено так выразиться.

- Да. Я с большой симпатией относился ко всему этому, но не был одержим семиотикой, как они, особенно на первых порах. Признавал, что это очень важный инструментарий, но именно инструментарий, не более.

- Не идеология?

- Нет, конечно! Когда любая научная дисциплина становится идеологией, это уже позитивизм получается.

- Но Юрий Михайлович какое-то время был близок к этому.

- Да. Отсюда его негативизм по отношению к философии. Для него, человека, выросшего на изучении конкретной истории культуры и литературы, занятия чистой теорией были сомнительны. Тем более, что все, что делалось тогда в нашем отечестве в области эстетики, было очень далеко от идеала. А то, что заслуживало уважения, делалось *в стол*. Но характерно, что позже в СССР против семиотики восстали исключительно филологи. А философы отнеслись к этому с полной симпатией и уважением.

Подождем подводить итоги

- Юбилей, тем более такой, повод для того, чтобы оглянуться на прошлое. Вы занимаетесь этим?

...Я не думал, что доживу до 80 лет, В юности, по крайней мере, не думал. Одна из моих наставниц Елена Николаевна Верейская, детская писательница, говорила мне: «Ну у вас еще все впереди». А я, помня, что Пушкин прожил 37 лет, а Лермонтов 27, отвечал ей: «Лет до тридцати пяти я, пожалуй, доживу!». Но в общем я доволен прожитыми годами. Люди постоянно задаются вопросом: «В чем смысл жизни?»...

- Вот уж действительно философский вопрос!

- Для меня – в реализации тех возможностей, которыми ты обладаешь. Я думаю, что себя реализовал.

- Вот только не надо ставить после круглой даты точку. Я надеюсь, что книга «Мудрость. Ценность. Память», которую вы выпустили как раз к юбилею, далеко не последняя. «Крайняя» она.

- Я человек не религиозный, однако бываю суеверным. Поэтому тоже избегаю употреблять слово «последняя». Но все равно постоянно оглядываюсь на прожитые годы... У меня дома огромная библиотека. И столько книг набралось потому, что я этим хотел заниматься, и этим, этим...

Архив уплыл за океан

...Тысячу килограммов книг и рукописей я отправил в Стэнфорд, но кажется, что свободного места не прибавилось.

- Давно отправили?

- Год назад. Я не стремился отправить в США свой архив. Но у меня, к сожалению, нет наследников, которые занимались бы философией и которым я мог бы завещать свой архив. Я обратился в нашу же университетскую библиотеку. И очень милая женщина, не буду называть имени, она, насколько мне известно, выполняла чьи-то указания, ответила: «Часть, которая для нас представляет интерес, мы возьмем. Но не весь архив». Хотя я готов был передать его совершенно безвозмездно.

- **Как-то ненаучно они подошли к этому вопросу.**

- Видите, тут подход такой... Вот если бы я был эстонским академиком... Тогда я возобновил контакты со Стэнфордом. Они взяли все. Даже газетные вырезки. Но для этого мне пришлось составить опись своего архива. Работа ужасная! Окончательный вариант насчитывал около ста страниц. Но с каким удовольствием я сказал потом этим господам, что Стэнфордский университет взял мой архив!

Из книг американцы просили только редкие. Я ничего не пожалел. У меня была книга Владимира Соловьева с автографом. Были книги Жака Дерриды, Романа Ингардена и других выдающихся философов современности с дарственными надписями мне...

Сейчас я редко покупаю книги. Не потому, что денег жалко, а потому, что круг интересов сузился. И ставить некуда. У меня спрашивают: «Вы это все читали?» Я говорю: «Нет! Я вообще считаю, что если у тебя есть книга, совсем не обязательно ее прочесть».

Закопать книги и открыть клады

- **А с вами бывало такое, что понадобилась книга, и вы точно знаете: она у вас есть – но закопана так глубоко, что приходится идти в библиотеку?**

- Это со мной случалось за всю жизнь только дважды. Я сам расставлял книги и помню, где, что стоит. Правда, они у меня стоят в два ряда. А вот у Юрия Михайловича принципиально книги были расставлены в один ряд. Но во второй ряд я старался ставить собрания сочинений, их всегда можно вытащить...

В жизни у меня было еще такое везение. Я сделал несколько находок. Можно сказать, открыл клады. К сожалению, их ценность – исключительно духовная.

- **Это Тартуская Кантиана?**

(ПОЯСНЕНИЕ. Ученик Канта профессор Йеше был профессором Дерптского университета. Он взял с собой в Тарту книги и письма, подаренные ему Кантом и позже подарил их основателю университетской библиотеки Моргенштерну. В 1895 году эти материалы по просьбе Прусской академии наук, издававшей полное собрание сочинений Канта, были отправлены в Берлин. И там остались. В 1979 году Л.С. обнаружил их в архиве Академии наук ГДР. Началась долгая переписка о возврате. В 1995 г. «Тартуская Кантиана» была возвращена.)

- В первую очередь!

Я получил эстонское гражданство с формулировкой «За особые заслуги перед наукой Эстонской Республики». Правда, когда ученый совет обсуждал, представлять меня к гражданству или нет, разные были мнения, но большинство решило, что я достоин. Я не знаю, какие у меня заслуги. Одна, наверно, общая с Рэмом Наумовичем Блюмом; мы с ним были друзьями, я преподавал диамат, а он истмат, нас даже называли Диамат

Наумович и Истмат Наумович. Мы говорили студентам то, что мы думали. Конечно, мы сами тоже были зашорены. Но диалектику мы давали – в противовес известной строке Маяковского – по Гегелю...

До нас эстонской философии не было.

- А сейчас она есть? Или это все-таки не философия, а, как выразился Давид Самойлов, мыслемизм (от *mõtlemis* – мыслить)? Самойлов придумал пародийный образ мыслемиста Курво Муудика, который мыслит очень глубоко. В частности: сидеть лучше, чем стоять, но значит ли это, что сидеть за правду лучше, чем стоять за правду?

- Нет, нет! Дело в том, что в первой Эстонской Республике профессиональных философов не было. Мыслители были. Но мы с Рэмом Наумовичем создали школу эстонской философии. Философского факультета в университете не было, но мы брали конкретных студентов, склонных к нашей науке, готовили их по индивидуальному плану, потом пропускали через аспирантуру, они писали кандидатские... Защищались не у нас – будь у нас ученый совет по философии, все партийные функционеры из ЦК КПЭ Эстонии тут же потребовали бы, чтобы им присвоили ученые степени...

Это одно. А то, что Германия возвратила *тартуский* архив Канта – это, я считаю, в значительной степени моя заслуга. Это результат моих пятнадцатилетних изысканий. Не было известно, где находится этот архив, каков его состав и т.д. Мне удалось еще обнаружить и посмертную маску Канта, она находится в зале Моргенштерна.

Потом у меня есть книга о немецком художнике Курте Магритце. Волею судеб я оказался исследователем его творчества, и книга эта вышла не у нас, а в Германии.

Когда я познакомился с Куртом Магритцем, он был главным редактором журнала *Deutsche Architektur*. Магриц был человеком сложным, противоречивым. В сегодняшней Германии к нему относятся неоднозначно, так как он был коммунистом-подпольщиком. В период нацизма он создавал такие вещи, что за каждый лист его могли отправить в концлагерь. Перед ним стояла дилемма: Гитлер или Сталин? И он выбрал Сталина. И уже в ГДР проводил эту омерзительную сталинскую идеологическую политику, чем вызвал ненависть у немецкой интеллигенции. Включая своих товарищей по антигитлеровскому подполью. С ним такая интересная история была. В немецкую армию его не брали по состоянию здоровья. А в 1945-м, когда была объявлена тотальная мобилизация, загребли и его. Он намеревался при первой возможности перейти на сторону Красной Армии. «Но что я скажу? – думал он. - Что я коммунист? Все вы теперь коммунисты, когда дело Гитлера проиграно, - ответят мне!». И он в свой солдатский ранец положил «Науку логики» Гегеля с подчеркнутыми местами, которые Ленин цитировал в «Философских тетрадах». Магриц был убежден, что каждый советский офицер знает «Философские тетради». Более того – я держал в руках эту книгу, и против подчеркнутых мест на полях стояла буква L. Вот такой наивный человек. И после войны он становится на горло собственной песне, отбрасывает свое творчество (он был экспрессионистом) и ведет борьбу за социалистический реализм. А потом наступает прозрение. Он начинает видеть, что в ГДР установился такой же тоталитарный режим. И за Магритцем начинает следить «Штази»... Мне вообще везло на встречи с удивительными людьми. Скажем, с братьями Жоресом и Роем Медведевым.

- А что у вас произошло с такой – тоже крайне противоречивой – фигурой, как Солженицын?

- Лично мы знакомы не были. Но когда я прочел первый том книги Солженицына «Двести лет вместе», я пришел в ужас. Писатель, упоминая о еврейских погромах на Украине, в Белоруссии и Молдавии, уверял, что зверства погромщиков преувеличены. И

там была фраза, от которой у меня дыбом встали остатки волос: «В морге можно было убедиться, что зверств не было!»! А один мой знакомый, живущий в Финляндии незадолго до того каким-то образом раздобыл советскую книгу, выпущенную в 1920-е годы, в которой как раз говорилось еврейских погромах начала XX века. Разумеется, эта книга давным-давно была изъята и хранилась в спецхране. Но тот человек сумел ее достать и переиздал репринтным способом. И я послал экземпляр Солженицыну. Через полтора года пришла посылка.. В ней был второй том его книги и письмо – несколько строк на пишущей машинке, – подклеенное к книге. С благодарностью. И с извинением за то, что он не был знаком с книгой, присланной мною...

- Но ошибку все же не признал?

- Это было бы выше его сил! Пять лет назад у меня вышла книга «Плюрализм в философии и философия плюрализма». Там есть критика как марксистского понимания плюрализма, так и солженицынского. Солженицынский легко свести к такой формулировке: «Я прав, а остальные тоже могут иметь мнение, но оно неправильное! Априори!»

- У вас названия книг часто звучат триадами. «Красота. Добро, Истина». «Философия. Эстетика. Смех». Недавно вышла «Мудрость. Ценность. Память». Это сознательно или подсознательно?

- Сначала было подсознательно, а потом стало сознательно. И другой любимый прием, который Борис Федорович Егоров в очерке обо мне назвал: «Зеркальные перевертыши». Одна из последних моих работ ...

- Крайних...

- Хорошо, крайняя... называется «Ценность истины и истинность ценности».

Беседовал Борис ТУХ